Лора Герд

Константинопольская патриархия и Русская церковь перед революцией

Lora Gerd

The Patriarchate of Constantinople and the Russian Church before the Revolution

Lora Gerd — St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences (Russia). Loragerd@gmail.com

The article deals with the ideological and political aspects of the relations between the Russian Orthodox Church and the Patriarchate of Constantinople in the end of the 19th and the beginning of the 20th centuries. The Russian imperial idea was strongly influenced by the idea of Orthodox oikumene*, first shaped in Byzantium. In the 19th century the idea of* translatio imperii *was further modified first by the Slavophils, and later by the Russian national ideology under Alexander III. The neo-Byzantinism of the end of the 19th and beginning of the 20th century accepted the idea of the Third Rome and became the basis of Russian policy in the Near East. Support of the Orthodox population of the Balkans and the Near East, a creation of a confederation of Orthodox states under the guidance of Russia, and finally restoration of the Russian Patriarchate, — all these were considered as chains of one line, the restoration of the ideal Christian kingdom. In the Balkans, Russian universalism faced a similar idea of the restoration of the Greek empire, as well as the growing Balkan nationalism. The struggle of the two "great ideas" took place in the frames of the Eastern Question — the rivalry of the great powers for spheres of influence in the Balkans and the Near East. Finally it brought the beginning of the First World War.*

Статья написана при поддержке гранта РГНФ 14-01-00419.

Keywords: Byzantium, Third Rome, Russian church, Patriarchate of Constantinople, Balkans, international relations, nationalism, church policy, Near East, Eastern Question.

Во второй половине XIX в. Россия являлась крупнейшей великой державой, в которой проживало около 90 миллионов православного населения. В это время мир был уже в основном поделен на колонии и сферы влияния между европейскими великими державами, среди которых лидировали Великобритания и Франция. Территориальная экспансия России на Среднем Востоке встретила сопротивление Англии, которая видела в этом угрозу своим индийским владениям. Специфика Ближнего Востока в этом соревновании между державами заключалась в том, что колониальные аппетиты держав должны были удовлетворяться за счет распада Османской империи. Близкий конец «больного человека», как называли в Европе Турцию, казался реальностью уже с конца XVIII — начала XIX в., когда значительные территории империи отошли к России, обрели самостоятельность или полунезависимый статус. Для Великобритании османские владения представляли интерес как область расширения своего экономического влияния и осуществления контроля над торговыми путями в Индию и на Дальний Восток. Для Франции, помимо экономических интересов, Ближний Восток был областью духовного влияния: ведь еще со времен Крестовых походов в Сирии и Палестине обосновались католические монахи, деятельность которых существенно активизировалась в XVI–XVII вв. Кроме того, с XIII–XIV вв. на островах Архипелага проживало немало католиков — наследников государств крестоносцев. Противоборство великих держав на Ближнем Востоке и особенно в Восточном Средиземноморье получило название «Восточного вопроса».

Для России «Восточный вопрос» представлял особую важность в геополитическом отношении. Константинополь и проливы Босфор и Дарданеллы были выходом в незамерзающее море и залогом успеха средиземноморской торговли страны и экспорта хлеба. Кроме того, контроль над проливами и находящейся на Босфоре столицей Османской империи обеспечивал безопасность южных рубежей России. Неудачная Крымская война 1853–1856 гг. показала, как важно было не допускать военного присутствия западных держав в районе проливов. Многочисленные договоры, ка-

сающиеся режима прохода судов через Босфор и Дарданеллы, имели целью урегулировать вопрос в максимально выгодном для России ключе[1].

В отличие от Среднего и Дальнего Востока, на Ближнем Востоке в борьбе держав за сферы влияния большую роль играл конфессиональный фактор. Конечно, центральное место здесь занимали Иерусалим и Святые места Палестины, еще со Средневековья привлекавшие внимание христиан всего мира. Гроб Господень был по традиции святыней, находящейся в попечении Иерусалимского греческого патриархата. Большая часть Святых мест Палестины также принадлежала греческому духовенству. В конце XVII в. Турция предоставила католикам-французам многие Святые места, что послужило причиной обращения патриарха Досифея к русскому правительству за помощью[2]. Постепенно французские монахи-католики, в первую очередь францисканцы, развернули обширную деятельность среди православного населения Сирии и Палестины: они открыли многочисленные школы, больницы и приюты. Результатом стал переход в унию с папским престолом значительной части арабского населения. В XIX в. английские (англиканские) и американские миссионеры также стремились обосноваться в Палестине и волей-неволей служили интересам британской политики[3]. Наконец, в последние десятилетия XIX в. Палестина становится объектом герман-

1. Вопросу о проливах посвящена обширная литература: *Горяинов С.* Босфор и Дарданеллы. Исследование вопроса о проливах по дипломатической переписке, хранящейся в Государственном и Санкт-Петербургском главном архивах. СПб., 1907; Esperel, I. (1907) *La condition international des détroits Bosphore et Dardanelles envisage du point de vue des droits et des devoirs des Neutres dans les guerres maritimes*. Toulouse; Laze, M. (1908) *La question des détroits. Étude juridique sur la situation international du Bosphore et des Dardanelles*. Paris; *Гагарин С.* Константинопольские проливы. Историко-политический очерк // Русская мысль. 1915. Апрель. С. 96–122; Craves, P.P. (1931) *The Question of the Straits*. London; *Дранов Б.А.* Черноморские проливы. М., 1948; Jelavich, B. (1973) *The Ottoman Empire, the Great Powers and the Straits Question, 1870–1887*. Bloomington; London; *Киняпина Н.С.* Балканы и проливы во внешней политике России в конце XIX в. М., 1994; Россия и черноморские проливы (XVIII–XX столетия). М., 1999.
2. *Каптерев Н.Ф.* Сношения иерусалимского патриарха Досифея с русским правительством (1669–1707). М., 1891; Runciman, S. (1968) *The Great Church in Captivity*, p. 347–351. Cambridge.
3. Tibawi, A.I. (1961) *British Interests in Palestine. 1800–1901. A Study of Religious and Educational Enterprise*. London; *Смирнова И.Ю.* Россия и Англия в Святой Земле в канун Крымской войны. М., 2015.

ского миссионерства — как католического, так и протестантского[4]. В этой обстановке Россия также старалась не отставать: с одной стороны, она по традиции поддерживала местное православие и Иерусалимский патриархат, с другой — укрепляла свое духовное присутствие и создавала систему образования через посредство Русской духовной миссии и Императорского Православного Палестинского общества[5].

Вторым и наиболее важным центром внимания русской политики на Ближнем Востоке был Константинополь, столица Османской империи. Понимание значения Константинополя и Вселенской патриархии в истории Русской церкви Нового времени невозможно без обращения к истокам внешнеполитической концепции обеих церквей. Помимо вышеуказанных геополитических интересов, для России Константинополь имел большое духовное и моральное значение. После падения Византийской империи Россия осталась единственным свободным православным царством. Москва постепенно приняла на себя функцию центра православного мира. Свержение монголо-татарского ига, консолидация русских земель вокруг Московского княжества, объявление автокефалии Русской церкви и учреждение патриаршества на Руси, наконец, провозглашение Ивана Грозного царем становящегося все более сильным государства, — все это постепенно вело к созданию новой идеологии универсалистского характера, которая, как и многие другие основы политической идеологии Московского царства, была заимствована из Византии. Теория «Москвы — Третьего Рима», первоначально сформулированная иноком Филофеем из псковского Елеазарова монастыря, поначалу не имела политического характера. Россия в XVI в. выступала лишь хранительницей константинопольского наследия, без претензий на «константинопольскую вотчину». Постепенно на Руси складывалось убеждение, что ее народ является особенным, бо-

4. О миссионерской деятельности французов и немцев в Святой Земле см. также статьи из сборника: *Voisinages fragiles. Les relations interconfessionelles dans le Sud-Est européen et la Méditerrannée orientale 1854–1923: contraintes locales et enjeux internationaux*. Éd. par A. Anastassiadis (École Française d' Athènes. Mondes Méditerranées et Balkaniques 5). Athènes, 2013.

5. *Дмитриевский А.А.* Императорское православное палестинское общество и его деятельность (1882–1907). СПб., 1907; Staurou, Th. (1963) *Russian interests in Palestine. 1882–1914*. Thessalonike; *Никодим (Ротов), архим.* История Русской духовной миссии в Иерусалиме. Серпухов, 1997; *Лисовой Н.Н.* Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX–начале XX в. М., 2006.

гоизбранным народом, новым Израилем, единственным, в котором сохранились древняя вера и благочестие. Греки запятнали свою веру Флорентийской унией, за что поплатились порабощением своего царства турками. Теперь в глазах русских мир делился на две половины: одну половину составляла Русь, а другую — покоренные турками народы православного Востока[6].

В XVI в. идея *translatio imperii* — «второго Константинополя» набирает силу. Поскольку Россия была наследницей павшей Византии, она должна была не только воспринять достоинство византийских императоров, но и перенести в Москву патриаршее достоинство. Очевидным стало несоответствие сильного царя и подчиненного положения главы Русской церкви. Однако на этом пути домогательства русского правительства неизбежно встретили сильнейшее противодействие со стороны Константинопольского патриархата. Дело в том, что еще в ранневизантийский период образовалась система пяти патриархатов апостольского происхождения — Римского, Александрийского, Антиохийского, Иерусалимского и Константинопольского. Если первые три патриарших престола, помимо своего апостольского происхождения, находились в крупнейших торгово-административных центрах Римской империи, Иерусалимский патриархат вошел в пентаду как кафедра града Христова. Что касается Константинопольского престола, то он после Халкидонского собора 451 г. как кафедра царствующего града, столицы Римской империи, получил «преимущество чести» после Римской кафедры. Спустя несколько столетий появилась легенда об апостольском происхождении Константинопольского престола как основанного св. апостолом Андреем[7]. По мере развития политических событий на Ближнем Востоке Константинопольская кафедра, как церковь столицы империи, стала единственной кафедрой Восточного Средиземноморья, имеющей наибольшую паству и пользующей-

6. *Кириллов И.* Третий Рим. Очерк исторического развития идеи русского мессианизма. М., 1914; *Малинин В.Н.* Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Историко-литературное исследование. Киев, 1901; Schaeder, H. (1957) *Moskau das Dritte Rome. Studien zur Geschichte der politischen Theorien in der Slavischen Welt*. Darmstadt; *Синицына Н.В.* «Третий Рим». Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М., 1998; *Каптерев Н.Ф.* Характер отношений России к Православному Востоку в XVI и XVII столетиях. Сергиев Посад, 1914.

7. Dvornik, F. (1958) *The Idea of Apostolity in Byzantium and the Legend of the Apostle Andrew*. Cambridge/Mass. Русск. пер.: *Дворник Ф.* Идея апостольства в Византии и легенда об апостоле Андрее. СПб., 2007.

ся поддержкой императора. Рим уже много веков жил своей жизнью, и раскол XI в. явился лишь логическим завершением давно начавшегося процесса.

С потерей политического значения Антиохией и Александрией и окончательным церковным разделением Запада и Востока Константинополь стал центром восточнохристианского мира. Все способствовало этому — и поддержка императора, и изоляция неправославных церквей Востока. В средневизантийский период была окончательно сформирована византийская вселенская идеология, ориентированная на Константинополь. «Византийское содружество государств», будучи в значительной мере мифом применительно к практической жизни, тем не менее существовало в теории. Но следует понимать, что ни о какой «республике государств» речи и быть не могло: все принявшие от Византии православие государства могли претендовать лишь на некоторую степень приближенности к василевсу — в меру своей географической близости, степени усвоения греческого языка и культуры и политической силы в качестве союзника[8]. Универсалистская идеология доминировала и в сознании южнославянских царей: ведь и болгарский Симеон, и сербский Стефан Душан стремились овладеть Константинополем и стать там василевсами. При дворах православных правителей от Кавказа до западных Балкан были усвоены византийский церемониал и знаки отличия.

Византийцы продолжали осознавать себя как центр православной ойкумены и после Крестовых походов, когда от былой политической мощи государства осталось одно воспоминание. В условиях османского владычества Константинопольский патриарх получил, кроме духовной, еще и значительную светскую власть. Православное население Османской империи было выделено в так называемый Рум (то есть Ромейский, греческий) миллет — общину, пользовавшуюся внутренней автономией. Патриарх, как глава миллета, отвечал перед султаном за законопослушность своей паствы. Дела, касающиеся гражданских правовых отношений (брака, развода, наследственного права), решались внутри православной общины на уровне митрополичьего или патриаршего суда. Кроме того, под власть Константинополя попали южные славяне, прежде имевшие свои автокефальные церкви.

8. Obolensky, D. (1971) *The Byzantine Commonwealth. Eastern Europe. 500–1453*. London. Русск. пер.: *Оболенский Д.* Византийское содружество наций. М., 1998. См. также: *Иванов С.А.* Византийское миссионерство. Можно ли сделать из варвара христианина? М., 2003.

Власть других восточных патриархатов окончательно стала номинальной, и патриархи нередко годами жили в Константинополе. Таким образом, за исключением Руси и отдаленной небольшой Грузии, весь восточнохристианский мир, входящий в обширную Османскую империю, оказался под властью Константинопольского патриарха, который теперь еще на больших основаниях, чем в византийский период, мог именовать себя «вселенским»[9].

Претензии Константинопольского патриарха на вселенское господство, вместе с усвоенной без особых изменений византийской терминологией, сохранились до XX в. Возведение русского митрополита Иова в патриархи 26 января 1589 г. и подписание Константинопольским патриархом Иеремией уложенной грамоты воспринимались на греческом Востоке как вынужденная дань неблагоприятной для греков политической обстановке. Однако обстоятельства заставили греческих иерархов смириться с свершившимся фактом, и на соборе 1590 г. законность учреждения Московского патриаршества была признана официально (правда, ему было отведено лишь пятое место в ряду патриархов). XVI и XVII вв. в истории России — это время подъема и территориального расширения Московского государства. Церковь играла в этом процессе важнейшую роль. Для повышения авторитета царства московские государи приобретают многочисленные святыни, привозимые с христианского Востока сборщиками милостыни. На Руси верили, что вместе с мощами и чудотворными иконами духовная сила Востока переходит в Москву. Вместе с тем щедрая помощь, оказываемая просителям с Востока, служила основанием для того, чтобы московский царь был признан покровителем и защитником Православия в Османской империи[10].

9. О положении православной церкви в Османской империи см.: *Соколов И.И.* Константинопольская церковь в XIX в. СПб., 1904; Clogg, R. (1982) "The Greek Millet in the Ottoman Empire", in *Christians and Jews in the Ottoman Empire: the Functioning of a Plural Society*. Vol. 1. *The Central Lands*, pp. 185–207. Eds. Braude B., Lewis B. New York.

10. *Каптерев Н.Ф.* Характер отношений России... С. 26–31; *Фонкич Б.Л.* Грамота Константинопольского патриарха Иоасафа II и собора восточных церквей, подтверждающая царский титул Ивана IV // *Каштанов С.М.* Россия и греческий мир в XVI веке. М., 2004. С. 381–389; *Шпаков А.Я.* Государство и церковь в их взаимных отношениях в Московском государстве. Царствование Федора Ивановича. Учреждение патриаршества в России. Одесса, 1912; *Успенский Б.А.* Царь и патриарх: харизма власти в России. Византийская модель и ее русское переосмысление. М., 1998; *Фонкич Б.Л.* Из истории учреждения патриаршества в России. Соборные грамоты 1590 и 1593 гг. // *Фонкич Б. Л.* Греческие рукописи и документы в России. М., 2003. С. 377–384; *Герд Л.А.* Константинополь и Петербург: церковная по-

XVIII век, который мало принес в смысле развития церковных контактов России с православным Востоком, стал новой эпохой в военно-политическом отношении. Успешные русско-турецкие войны второй половины столетия не только расширили границы России за счет бывших османских владений, но и способствовали контактам с греческим миром. Тысячи греков переселяются в южную Россию, а в греческих землях распространяются пророчества и сказания о скором освобождении от османов и восстановлении Византийской империи. Образование независимого Греческого королевства в 1832 г. при поддержке западных держав (надо сказать, что Россия, явившаяся колыбелью греческой революции, официально уклонилась от поддержки восстания) положило начало новому этапу в истории греческого мира. Слабая и экономически зависимая от Великобритании и Франции, Греция стала центром формирования новогреческого церковного сознания, тесно связанного с понятием нации. В 1830–1840-е годы в стране боролись старая, универсалистская тенденция, тесно связанная с Россией, и новая, сепаратистская, поддерживаемая Англией и Францией. Представители «русской партии» (Константин Икономос и др.) выступали за восстановление отношений с Константинопольским патриархатом, прерванных в 1833 г. при провозглашении автокефалии Элладской церкви. Напротив, сторонники прозападных направлений в политике (английской и французской партий) стремились придать греческой церковной жизни как можно более независимый от Константинополя и России характер[11].

литика России на православном Востоке (1878–1898). М., 2006. С. 95–114. О привозе святынь в Москву в XVI–XVII вв. см.: *Каптерев Н.Ф.* Характер отношений России... С. 60–102; *Рогов А.И.* Культурные связи России с балканскими странами в первой половине XVII в. // Связи России с народами Балканского полуострова. Первая половина XVII в. М., 1990. С. 122–137; *Чеснокова Н.П.* Документы посольского приказа середины XVII в. о привозе в Россию реликвий с Христианского Востока // Российская дипломатия: история и современность. М., 2001. С. 141–147; *Фонкич Б.Л.* Чудотворные иконы и священные реликвии Христианского Востока в Москве в середине XVII в. // Очерки феодальной России. Вып. 5. М., 2001. С. 70–97.

11. Jelavich, B. (1962) *Russia and Greece During the Regency of King Othon, 1832–1835*. Russian Documents on the First Years of Greek Independence. Thessalonike; Frazee, Ch. (1969) *The Orthodox Church and Independent Greece, 1821–1852*. Cambridge; *Мусюревич (Петрунина) О.Е.* Становление национального государства в Греции: «русская партия» в 1837–1844 гг. М., 1997; *Петрунина О.Е.* Греческая нация и государство в XVIII–XX вв. М., 2010; Frary, L. (2015) *Russia and the Making of Modern Greek Idenitity*, 1821–1844. Oxford.

Крымская война изменила расстановку сил. Россия теперь утратила свои позиции в Дунайских княжествах и в значительной мере потеряла авторитет у греков как Османской империи, так и королевства. Вторая половина 1850-х годов — это эпоха подъема национальных движений среди христианских народов Османской империи. Болгары отстаивают свою церковно-национальную независимость в церковно-национальном собрании в Константинополе. На Пасху 1860 г. болгарский митрополит Иларион впервые не помянул имя Константинопольского патриарха на литургии в церкви св. Стефана, что явилось началом независимости Болгарской церкви. Окончательное отделение ее произошло в 1870 г., когда был издан султанский фирман о независимости, а в 1872 г. константинопольский собор объявил о болгарской схизме, и каноническое общение между церквами оказалось прерванным на многие десятилетия[12]. Хотя и менее драматично, была провозглашена (1865 г.) и признана лишь спустя два десятилетия автокефалия Румынской церкви; фактически независимо от Константинополя жила Сербская церковь (в 1832 г. была учреждена автономная Белградская митрополия под юрисдикцией Константинопольского патриархата). Элладская церковь, автокефалия которой была признана Константинополем только в 1850 г., лишь через 17 лет после провозглашения, расширила свои пределы, когда Фессалия была присоединена к Греческому королевству (1881 г.). Сильный удар по экономическому положению Константинопольской и других восточных церквей был нанесен конфискацией церковных имений (метохов) в Румынии князем А. Кузой в начале 1860-х годов[13]. Наконец, немалую угрозу для церкви в Османской империи представляло государство, которое в середине XIX в. встало на путь реформ (Танзимат). Одной из целей преобразований, проводившихся по советам британской дипломатии, было уменьшение влияния церкви и ослабление возмож-

12. *Курганов В.Ф.* Исторический очерк греко-болгарской распри // Православный собеседник. 1873. Ч. 1. С. 187–260; *Теплов В.* Греко-болгарский церковный вопрос по неизданным источникам. СПб., 1889; *Кирил, патриарх Български.* Граф Н.П. Игнатиев и Българският църковен въпрос. Изследване и документи. София, 1958; *Маркова З.* Българската Екзархия. 1870–1879. София, 1989; *Бонева В.* Българското църковно-национално движение 1856–1870. София, 2010.

13. *Герд Л.А.* Секуляризация имений восточных монастырей и церквей в Валахии и Молдавии в начале 1860-х годов и Россия // Вестник православного Свято-Тихоновского Гуманитарного университета. 2014. Серия II. История. Вып. 6 (61). С. 7–34.

ного влияния России, осуществлявшегося через церковь[14]. Патриархату были навязаны реформы, которые привели к принятию в 1860 г. нового церковного устава (Γενικοί Κανονισμοί). Теперь наряду с Синодом, состоявшим из сменяемых через каждые два года членов, при патриархе был создан еще один совещательный орган — Смешанный совет, состоящий из духовных лиц и мирян. Допущение мирян к церковному управлению привело к росту влияния греческого национализма в среде Константинопольской церкви. Предпринимались и другие попытки ослабления церкви и духовенства: введение жалованья для духовенства, лишение церкви ее недвижимых имуществ, ужесточение цензуры и т.д. (правда, большинство из них осталось лишь на бумаге)[15].

В общем русле роста националистических настроений на Балканах XIX в. особое место занимал национализм греческий. С одной стороны, это были попытки возродить историческую память о Древней Греции, что поддерживалось западноевропейскими филэллинами. С другой стороны, это был новый подъем традиционной для османских греков мечты об освобождении Константинополя и восстановлении христианского царства. Наконец, это были чисто практические цели постепенного присоединения исконных греческих земель к Греческому королевству. Разумеется, второе и третье направления оказались более жизнеспособными и получили название греческой «великой идеи» (Μεγάλη ιδέα). Среди идеологов «великой идеи» были разногласия: одни считали, что ядром будущего объединенного греческого государства должно быть Греческое королевство, другие полагали возможным освобождение Константинополя — исторической столицы; наконец, третьи видели будущее греческого народа в составе мощного единого Османского государства, в котором греки вытеснят турок и будут сами управлять империей[16].

Греческая «великая идея», осуществление которой в основном концентрировалось вокруг Константинополя и патриархата, входила в противоречие с амбициями России, стремившейся если

14. Davison, H. (1963) *Reform in the Ottoman Empire, 1856–1876*. Princeton; *Тодорова М.* Англия, Русия и Танзиматът. София, 1980; Frindley, C. (1980) *Bureaucratic Reform in the Ottoman Empire. The Subleme Porte, 1789–1922*. Princeton; *Дулина Н.А.* Танзимат и Мустафа Решид Паша. М., 1984; Ahmad, F. (1993) *The Making of Modern Turkey*. London-New York; *Макарова И.Ф.* Болгары и Танзимат. М., 2010.

15. *Σταματόπουλος Δ.* Μεταρρύθμηση και εκκοσμίκευση. Προς μία ανασύνθεση της ιστορίας του Οικουμενικού Πατριαρχείου τον 19 αιώνα. Αθήνα, 2003.

16. *Петрунина О.Е.* Греческая нация и государство. С. 323–333.

не прямо, то опосредованно контролировать проливы и Константинополь. После Крымской войны правительство Александра II взяло курс на поддержку балканских славян, в первую очередь болгар. Романтическое славянофильство второй четверти XIX в. приобрело практическое значение и получило название «панславизма»[17]. Поддержка болгар, которые, следуя своим церковно-национальным стремлениям, открыто восстали против греков, не могла способствовать теплым отношениям между Русской церковью и Константинопольским патриархатом. Россия устранилась от высказывания какого бы то ни было мнения по поводу т.н. болгарской схизмы, которая надолго «заморозила» возможности России действовать на Балканах через посредство церкви: ведь контакты с болгарскими иерархами незамедлительно привели бы к открытому разрыву отношений между Русской и Константинопольской церквами. Многолетние усилия русских дипломатов, направленные на преодоление схизмы, не могли привести к положительному результату, так как для обеих сторон церковные дела служили лишь прикрытием для осуществления своих национально-политических целей, а именно — произвести предварительный раздел балканских османских территорий.

После Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Россия в отношении Балкан и Ближнего Востока заняла сдержанную и выжидательную позицию. Разочарование в результатах войны, наступившее после Берлинского конгресса, свело на нет надежды славянофилов. На место панславизма в русской внешней политике пришла русская национальная политика. Особенно отчетливо это проявилось в царствование Александра III и в первые годы правления Николая II. Идеологом этой политики был обер-прокурор Св. Синода К.П. Победоносцев. Россия имеет достаточно большую территорию, чтобы не стремиться к новым завоеваниям. Вместе с тем она является крупнейшей православной великой державой — единственной, имеющей православного царя. Из этого следует, что Русской церкви принадлежит первенствующее место в православном мире, а все другие православные государства

17. Kohn, H. (1953) *Panslavism. Its History and Ideology*. Notre Dame; Sumner, B.H. (1937) *Russia and the Balkans 1870–1880*, pp. 56–80. Oxford.; Petrovich, M.B. (1956) *The Emergence of Russian Panslavism, 1856–1870*. New York; MacKenzie, D. (1967) *Serbs and Russian Panslavism, 1875–8*. Itaca, NY: Cornell University Press; *Цимбаев Н.И.* Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX века. М., 1986; *Дудзинская Е.А.* Славянофилы в пореформенной России. М., 1994; *Διάλλα Α.* Η Ρωσία απέναντι στα Βαλκάνια: ιδεολογία και πολιτική το δεύτερο μισό του 19ο αιώνα. Αθήνα, 2009.

составляют сонм «церквей-сестер» вокруг нее. По отношению к православным народам Османской империи Россия является покровительницей и защитницей от притеснений иноверной власти. Такова была, в общих чертах, внешнеполитическая концепция Русской церкви в последние два десятилетия XIX в. Нетрудно заметить, что в данном случае на новом уровне осмыслялась старая византийская идея православной ойкумены — с центром в России. Именно в эти годы происходит подъем отечественной науки по изучению православного Востока, формируется русская школа византийских исследований. Не будучи лично политически ангажированными, византинисты, несомненно, также способствовали утверждению этой идеологии.

В 1880–1890-е годы Россия на Балканах находилась в политической изоляции. Отношения с Греческим королевством продолжали оставаться подчеркнуто холодными. Не встречала сочувствия Россия и со стороны сербского правительства. Румыния следовала своей профранцузской политической линии. Наибольшее разочарование испытала Россия в Болгарии: в 1880-е годы дипломатические отношения с ней были прерваны, а на фоне продолжавшейся церковной схизмы это означало полную утрату каких-либо контактов и влияния. Только маленькая Черногория из всех православных государств юго-восточной Европы продолжала оставаться преданной России.

С Константинопольским патриархатом после русско-турецкой войны на первых порах наладились дружеские отношения. При патриархе Иоакиме III (его первое патриаршество — 1878–1884 гг.) авторитет России среди турецких греков был довольно высоким. Патриарх испытывал личную симпатию к России и имел возвышенное представление о вселенском православии, свободном от национализма, за что подвергся резкой критике со стороны греческого премьер-министра Х. Трикуписа[18].

18. О Иоакиме III см.: *Σταυρίδου Β. Θ.* Οι Οικουμενικοί πατριάρχαι 1860-σήμερον. Θεσσαλονίκη, 1977. Σ. 208–284; *Ανεστίδης Στ.* Ιωακείμ ο Γ' Αρχιεπίσκοπος Κωνσταντινουπόλεως και Οικουμενικός Πατριάρχης (1878–1884, 1901–1912) // Δελτίον Κέντρου Μικρασιατικών σπουδών. Αθήνα, 1986–1987. Σ. 391–414 (библиография работ о Иоакиме, вышедших до 1986 г.); Kofos, Ev. (1986) "Patriarch Joachim III (1878–1884) and the Irredentist Policy of the Greek State», *Journal of Modern Greek Studies* IV (1): 107–120; *Καρδαράς Χρ.* Η πολιτική δράση του πατριάρχη Ιωακείμ Γ' (Πρώτη πατριαρχία 1878–1884). Διδακτορική διατριβή. Ιωάννινα, 1993; Δημητρία ΚΖ'. Επιστημονικό συμπόσιο «Χριστιανική Μακεδονία». Ο από Θεσσαλονίκης Οικουμενικός Πατριάρχης Ιωακείμ Γ' ο Μεγαλοπρενής. Θεσσαλονίκη, 1994; *Καρδαράς Χρ.* Ιωακείμ Γ'-Χαρ. Τρικούπης. Η αντιπαράθεση. Από την ανέκδοτη αλληλογραφία του Οικουμενικού Πατριάρχη (1878–1884). Αθήνα, 1998.

В обстановке накала национально-политических страстей русская дипломатия высоко ценила эти взгляды патриарха Иоакима: лейтмотивом депеш конца XIX в. было «возвысить Константинопольскую патриархию в ее собственных глазах», добиться от иерархов осознания подлинно вселенского предназначения их церкви, долженствующей стоять выше национальных страстей и исполнять роль общей матери для народов, составляющих ее паству. Впрочем, в сознании русских церковных политиков такая линия отнюдь не противоречила идее о первенстве Русской церкви в православном мире — ведь «вселенскость» Константинопольской патриархии распространялась только на народы Османской империи.

Во время первого патриаршества Иоакима III было решено открыть подворье Константинопольского патриархата в Москве. Подворья уже были у Антиохийского и Александрийского патриархатов, у Сербской церкви, у афонского Иверского монастыря. После конфискации имений восточных монастырей и церквей в Румынии в начале 1860-х годов, а также в Бессарабии в 1873 г. Константинопольская патриархия, наряду с другими церковными учреждениями Востока, лишилась значительных доходов. С отпадением болгарских епархий в 1870 г., а также присоединением Фессалии к Греческому королевству доходы Вселенского патриархата еще больше уменьшились. Благоприятные отношения между Русской и Константинопольской церквами, которые установились при Иоакиме III, послужили хорошим поводом для оказания поддержки Константинопольскому патриарху путем открытия его подворья в Москве в 1881 году. Грекам передали церковь св. Сергия Радонежского в Крапивниках с прилегающим участком земли, на котором были построены доходные дома. Первым настоятелем подворья стал архимандрит Серафим (Скарули)[19].

Идеологами соответствующего подхода были К.П. Победоносцев и его ближайший советник по церковным делам на Ближнем Востоке, профессор Петербургской духовной академии И.Е. Троицкий[20]. Хорошо информированный из официальных и неофи-

19. *Герд Л.А.* Константинополь и Петербург. С. 396–416.

20. О роли И.Е. Троицкого в русской церковной политике на Ближнем Востоке см.: *Герд Л.А.* Константинополь и Петербург. С. 158–162; также издание его переписки с агентом Русского общества пароходства и торговли в Константинополе Г.П. Беглери: Россия и Православный Восток. Константинопольский патриархат в конце XIX в. Письма Г.П. Беглери к проф. И.Е. Троицкому. 1878–1898 гг. / Изд. подг. Л.А. Герд. СПб., 2003.

циальных источников о положении дел на православном Востоке, Троицкий был одинаково далек от симпатий и к грекам, и к славянам на Балканах. Церковное устройство в каждой стране, говорил он, полностью зависит от гражданского положения дел. В Средние века при образовании независимых от Византии государств провозглашалась автокефалия церквей этих стран. Поэтому автокефалия православных церквей в Юго-Восточной Европе является логическим следствием государственной независимости, а первенствующее положение России является следствием ее значимости как государства с наибольшим православным населением. Претензии Константинополя на первенство в восточнохристианском мире, таким образом, представлялись Троицкому нелепыми с исторической точки зрения и вредными с политической, так как за ними стояли национально-политические претензии греков королевства, направленные против России и русских интересов. Показательной в этом отношении является полемика Троицкого, пожалуй, с единственным в то время в России сторонником греческой «великой идеи» — государственным контролером Т.И. Филипповым. Спор возник в 1886 г. по поводу празднования памяти византийского патриарха Фотия, причисленного в XIX в. к лику святых. Филиппов в своих церковно-политических взглядах также исходил из идеи единства православия, но рассматривал это единство с греческой точки зрения. Церковь, по его мнению, должна быть независима от политических обстоятельств; Константинополь как духовная родина русского православия должен первенствовать в православном мире, а Русская церковь может занимать здесь лишь смиренное дочернее положение[21]. Конечно, эти взгляды нельзя назвать иначе как прекрасной утопией. Политика и церковные дела на Востоке представляли одно целое, и под прикрытием церковной борьбы, как правило, преследовались интересы национально-политические и экономические. До начала XX в. фигура Филиппова в России стоит особняком.

После отречения Иоакима III от престола в 1884 г. отношения Константинопольской патриархии с Русской церковью становятся все холоднее и почти сходят на нет. В архивах практически нет документов, свидетельствующих о сколько-нибудь содержа-

21. [*Троицкий И.Е.*] Нечто по поводу статьи Гражданина (№ 38) по случаю чествования памяти патриарха Фотия в Славянском благотворительном обществе 6 февраля 1891 г. // Московские ведомости. 17 февраля 1891 г. № 59. См.: *Герд Л.А.* Константинополь и Петербург. С. 162–170.

тельных контактах. Патриархи Иоаким IV (1884–1886), Дионисий V (1887–1890), Анфим VII (1897–1898) вызывали в России сдержанную неприязнь, а переговоры Константина V (1898–1901) с англиканскими епископами и вовсе не соответствовали направлению русской политики[22]. Русская дипломатия старалась поддержать Иоакима III на каждых последующих патриарших выборах, но обстоятельства препятствовали его избранию. В 1886 г. Иоакима в Константинополе посетил И.Е. Троицкий, между ними состоялась длительная беседа, впоследствии почти дословно записанная Троицким. Тема для обсуждения была все та же — вселенское православие, однако без уточнений о первенствующей роли той или иной церкви: здесь мнения собеседников явно могли разойтись[23]. Позднее Иоаким удалился в келью Милопотамон на Афоне, но во время своего пребывания там неоднократно встречался с русскими дипломатами и поддерживал контакты с игуменом русского монастыря св. Пантелеимона архимандритом Макарием. Наконец, в 1901 г. Иоаким III снова занимает патриарший престол.

XX век привнес новую струю в балканскую политику России: от установки на «замораживание» конца XIX в. переходят к обсуждению более активных действий на Ближнем Востоке. Русские политики понимали, что страна все еще не готова к военному решению восточного вопроса, тем более что на время победили сторонники активных действий на Дальнем Востоке. Поражение в войне с Японией и революция 1905–1906 гг. на несколько лет отодвинули проекты России в отношении Балкан. Эта сдержанность в тот момент совпадала с планами Австро-Венгрии, главного соперника России в распространении ее влияния на Балканах. По Мюрцштегскому соглашению 1903 г. Россия и Австро-Венгрия пытаются сдержать нарастающее движение в Македонии, однако реформы уже к концу 1900-х годов показали свою несостоятельность. Между тем к началу 1910-х годов созрели планы союза балканских государств против общего врага — Османской империи. В создании Балканской лиги большую роль сыграли как Россия, так и ее европейские партнеры. В начале октября 1912 г. началась

22. [*Троицкий И.Е.*] Нечто по поводу статьи Гражданина (№ 38) по случаю чествования памяти патриарха Фотия в Славянском благотворительном обществе 6 февраля 1891 г. С. 64–91.

23. См. издание отчета И.Е. Троицкого: «Наша отечественная Церковь занимает первое место между всеми православными церквами». Отчет профессора И. Е. Троицкого о командировке на Восток. 1886 г. / Подготовка текста, вступ. статья и комм. Л.А. Герд // Исторический архив. 2001. № 4. С. 135–174.

Первая Балканская война. В течение двух месяцев союзникам (Греции, Болгарии, Сербии и Черногории) удалось вытеснить турок почти со всей европейской территории империи. По итогам Балканской войны велись переговоры о разделе Македонии и Фракии между союзниками. Россия вынашивала планы создания единого южнославянского государства, которым, однако, на тот момент не было суждено осуществиться. В результате длительных переговоров, наконец, 30 мая 1913 г. в Лондоне был подписан договор о проведении границ. Прошло совсем немного времени, и Болгария напала на своих бывших союзников, а еще через месяц потерпела сокрушительное поражение. По Бухарестскому договору 10 августа 1913 г. она лишилась выхода к Эгейскому морю и значительной части своих территориальных приобретений. Балканские войны явились прологом к Первой мировой войне, в ходе которой кардинально изменилась не только карта Ближнего Востока и Балкан, но и расстановка сил на международной арене.

Балканские войны не принесли желаемого Россией результата. Сопротивление других держав, а также противоречия между самими южными славянами не позволили России создать единое южнославянское государство. Несмотря на все приложенные к тому усилия, русские дипломаты не смогли договориться и о снятии болгарской схизмы: обе стороны — и греческая, и болгарская — не были в этом заинтересованы, видя в расколе удобное оправдание для дальнейшей политической борьбы. Включение Македонии в состав Греции поставило другой важный для России вопрос — о статусе Афона. Русское монашество св. Горы Афон находилось, согласно 62-й статье Берлинского трактата, под покровительством русских дипломатических представителей в Салониках и Константинополе. Поскольку увеличение численности русских на Афоне (в 1913 г. их было около 5000) и приток денежных средств из России вызывали недовольство греков, русским афонитам зачастую приходилось пользоваться поддержкой дипломатов и даже турецких властей. В новых условиях положение русских на Афоне оказывалось под угрозой. Чтобы сохранить этот уникальный «русский остров» в Восточном Средиземноморье, русские дипломаты на переговорах в Лондоне подняли вопрос об интернационализации Афона, создания из него нейтральной зоны, кондоминиума под покровительством шести православных государств (Россия, Греция, Сербия, Румыния, Черногория и Болгария). На участии в управлении Афоном Россия настаивала и позднее, уже после начала Первой мировой войны;

вопрос был окончательно снят с повестки только после Октябрьской революции[24].

Каковы были отношения Русской церкви и Константинополя в первые два десятилетия XX века? Среди русских церковных деятелей этого периода наряду с преобладающей традиционной имперской линией намечаются два течения. Первое из них можно назвать неославянофильством — оно было связано с проектами южнославянской конфедерации государств в тесной связке с Россией. Второе продолжало линию на поддержку греков в церковно-политических делах и осуществление «великой идеи». Грекофильское направление нашло своего поборника в лице профессора Петербургской духовной академии И.И. Соколова, который с 1902 г. был редактором печатного органа Академии, «Церковного вестника». С тех пор почти в каждом номере журнала появлялись статьи, знакомящие читателей с жизнью Константинопольского патриархата, причем, в отличие от других печатных изданий, Соколов неизменно представлял церковную жизнь на Востоке в крайне благоприятном свете. Свою научную деятельность Соколов начинал как историк византийской церкви; позднее он занялся историей Константинопольского патриархата в Новое время. Итогом его восьмимесячных занятий в архиве патриархата стала фундаментальная монография «Константинопольская церковь в XIX веке» (СПб., 1904). Автор тщательно обходит все «острые углы» в истории церкви; он ничего не говорит даже о болгарском церковном вопросе. Его цель — показать внутреннюю жизнь патриархата и заслуги каждого патриарха. Яркими красками он рисует угнетенное положение церкви в Османском государстве. Для Соколова идеалом государственно-церковного устройства была Византийская империя — образец, по его словам, «оцерковленного государства», осуществление идеала счастья на земле. Восстановлению этого устройства и должны быть, на его взгляд, посвящены все усилия политиков[25].

24. *Герд Л.А.* Русский Афон 1878–1914. Очерки церковно-политической истории. М., 2010. С. 129–138.

25. Об эволюции грекофильских идей в России от К.Н. Леонтьева до И.И. Соколова см.: Stamatopoulos, D. (2013) “From the Vyzantinism of K. Leont’ev to the Vyzantinism of I. I. Sokolov: the Byzantine Orthodox East as a motif of the Russian Orientalism», in *Héritages de Byzance en Europe du Sud-Est à l’époque modern et contemporaine*. Athènes, p. 321–340; *Σταματόπουλος Δ.* Το Βυζαντιο μετά το Έθνος. Το πρόβλημα της συνέθειας στις Βαλκανικές ιστοριογραφίες. Αθήνα, 2009. Σ. 244–252, 282–285; *Герд Л.А.* Константинопольский патриархат и Россия 1901–1914 г. М., 2012. С. 38–63. Взгляды И.И. Соколова ясно выражены в его лекции: *Соколов И.И.*

Соколов участвовал в Предсоборном присутствии 1906 г., Предсоборном совещании 1912 г. и Всероссийском соборе 1917–1918 гг., знакомил своих коллег с опытом Византии и приходской практикой современного ему православного Востока, которая, по его мнению, могла быть отчасти заимствована при реформе Русской церкви[26]. 23 октября 1917 г. Соколов выступил на соборе с докладом о патриаршестве[27]. Свой доклад Соколов начинает с подробной историко-канонической справки, подчеркивающей органичность патриаршества для церковного законодательства. Идеал, к которому нужно стремиться в области высшего церковного управления, основа всего церковного строя — это сочетание начал единоличного, т.е. патриаршего, и соборного: «Патриаршество есть цель соборности и в то же время и орган, а соборность есть основа патриаршества». Автор рисует близкую, на его взгляд, к идеалу картину жизни Константинопольского патриархата как в византийскую эпоху, так и в последующие столетия. Категорически не соглашаясь с обвинениями Вселенского патриархата в цезарепапизме, которые высказывались некоторыми его современниками, Соколов утверждал, что «папизм по самой своей природе чужд восточному православию и несовместим с господствующими на Востоке правовыми воззрениями и историческими задачами. И нам при восстановлении патриаршества нет никакого основания опасаться папизма»[28]. Не менее резко автор говорит о несостоятельности критики, касающейся морального облика и личных качеств константинопольских патриархов: «Деятельность патриархов была изумительна. Это были лучшие люди от народа, просвещенные, морально-авторитетные, самоотверженные, понимающие задачи и потребности времени и энер-

О византинизме в церковно-историческом отношении. Вступительная лекция по кафедре истории греко-восточной церкви (от разделения церквей), прочитанная в Санкт-Петербургской Духовной Академии 1-го ноября 1903 года. СПб., 1903.

26. Ежегодные поездки Соколова на Восток имели целью, не в последнюю очередь, сбор материала для будущей реформы Русской церкви. См. его статьи: Приход в Константинополе // Церковный вестник. 1912. № 38. С. 1189–1193; Епархии Константинопольской церкви настоящего времени. Петроград, 1914; Церковный суд в Константинопольском патриархате в современном его состоянии // Церковный вестник. 1914. № 39. С. 1181–1188.

27. Деяния священного собора Православной Российской церкви 1917–1918 гг. М., 1994. Т. 2. С. 383–391. (Деяние 29).

28. Там же. С. 387.

гично направляющие всех к определенной цели. Их служение — непрерывный подвиг и страдание за веру»[29].

От дифирамба Константинопольскому патриархату Соколов переходит к насущным проблемам Русской церкви: «Назревает отделение Церкви от государства. Значит, положение Русской церкви будет приблизительно таково, в каком находится, например, Константинопольская церковь. Правда, там — иноверное правительство, но ведь хорошо известно, что нам ждать особых милостей от нашего правительства не приходится». Между тем всему восточнохристианскому миру предстоят общие задачи перед лицом инославного мира, и потому «абсолютно необходима всеобщая коалиция православных церквей, необходимо мобилизовать все силы для противодействия завоевательному замыслу инославия»[30].

В докладе Соколова звучит опасение за судьбу православия во всем восточнохристианском мире — ведь война еще не закончилась. Особенно скорбно звучит тема потери главной опоры Церкви в государстве — православного царя. С крушением монархии для всех идеологов византийско-монархического направления в русской политике исчез основной стержень их построений. Привыкшие рассуждать по определенным, заданным историей шаблонам, они искали параллелей в истории церкви либо Византии, либо Османской империи и не представляли себе иных форм ее существования в государстве демократического типа. «С падением императорской власти происходит изменение идеологии. Император являлся защитником Церкви. Целых 200 лет продолжалось это. 200 лет мы вели борьбу за православие на Востоке. Кто же будет хранителем этого векового наследия в Русской церкви после падения царской власти? Таким хранителем может быть только патриарх», — говорил на заседаниях собора другой его участник, князь Е.Н. Трубецкой[31].

Позиции как грекофилов, так и их противников отчетливо проявились в годы Первой мировой войны, когда победа союзников казалась близкой, а России, согласно секретным договорам от марта 1915 г., предполагалось передать Константинополь и прилежащие территории[32]. В обстановке эйфории, охватив-

29. Деяния священного собора Православной Российской церкви 1917–1918 гг. С. 389.

30. Там же. С. 390.

31. Там же. С. 396.

32. Проливы (сборник) / Пред. Ф. Ротштейна. Доп. ст. Е. А. Адамова. М., 1924.

шей русское общество в виду близкого решения Восточного вопроса, русские журналисты, церковные деятели, политики, специалисты по экономике и военным вопросам снова обращаются к теме «константинопольской вотчины». Русский Константинополь, исполнение вековой мечты, триумф Православия — вот что занимало умы сотен тысяч людей. Здесь же, разумеется, вставал вопрос о судьбе Константинопольского патриархата и храма Св. Софии. Возвращение этой святыни православной церкви представлялось символическим актом величайшей важности[33]. И.И. Соколов по поручению Св. Синода написал пространную записку, в которой доказывал необходимость сохранения за Константинопольским патриархом первенства в православном мире, подобно тому, как он обладал им в византийскую эпоху[34]. Еще более радикальные суждения содержались в статье архиепископа Антония (Храповицкого), который предлагал передачу Константинополя грекам в благодарность за то, что они просветили Русь христианством в X веке. В поддержку греков на православном Востоке в годы войны выступил и секретарь Императорского Православного Палестинского общества А.А. Дмитриевский, который на заседании Славянского благотворительного общества в Петрограде 2 марта 1915 г. впервые открыто заявил, что линия на поддержку арабов в Палестине, которой придерживалось Общество с момента своего основания, была ошибочной. В то же время в России нашлось немало журналистов и общественных деятелей, которые высказывались за русификацию Константинополя и низведение патриарха до епархиального архиерея, подчиненного Петроградскому русскому патриарху[35].

Октябрьская революция 1917 г. положила конец как политическим утопиям, так и той роли, которую играла Русская церковь в государстве. Церковная политика, занимавшая столь важное

33. О будущем Св. Софии высказывались многие авторитетные люди, одним из которых был директор Русского Археологического института в Константинополе Ф.И. Успенский. См.: *Герд Л.А.* Еще один проект «Русского Константинополя». Записка Ф. И. Успенского 1915 г. // Вспомогательные исторические дисциплины. 2007. Т. 30. С. 424–433; недавно вышло еще одно издание этого документа: *Бухерт В.* «Нам нужно очень тщательно соизмерять наши первые шаги в Цареграде...». Записка академика Ф. И. Успенского. 1915 г. // Восточный архив. № 1(31). М., 2015. С. 60–65.

34. *Лисовой Н.Н.* Русская церковь и патриархаты Востока. Три церковно-политические утопии XX века //Религии мира. История и современность. М., 2002. С. 156–196.

35. *Герд Л.А.* Константинополь и Петербург. С. 196–199.

место в политике России на Ближнем Востоке, перестала интересовать новое правительство. Неудача постигла и греческих политиков, стремившихся к осуществлению «великой идеи»: после военного поражения туркам в 1922 г. последовал обмен населением, в результате которого полтора миллиона греков из Малой Азии были вынуждены переселиться в Грецию, покинув, таким образом, места своего исторического расселения. На развалинах Османской империи было создано секулярное Турецкое государство, в котором уже не было места миллетам прежних столетий. Таким образом, в 1910-е годы завершилась эпоха универсалистских попыток создания большой православной империи по византийскому образцу. XX век принес новые формы церковно-государственных отношений и новые формы межцерковного диалога.

Библиография / References

Бонева В. Българското църковно-национално движение 1856–1870. София, 2010.

Бухерт В. «Нам нужно очень тщательно соизмерять наши первые шаги в Цареграде...». Записка академика Ф. И. Успенского. 1915 г. // Восточный архив. № 1(31). М., 2015. С. 60–65.

Гагарин С. Константинопольские проливы. Историко-политический очерк //Русская мысль. 1915. Апрель. С. 96–122.

Герд Л.А. Константинополь и Петербург: церковная политика России на православном Востоке (1878–1898). М., 2006.

Герд Л.А. Еще один проект «Русского Константинополя». Записка Ф. И. Успенского 1915 г. // Вспомогательные исторические дисциплины. 2007. Т. 30. С. 424–433

Герд Л.А. Русский Афон 1878–1914. Очерки церковно-политической истории. М, 2010.

Герд Л.А. Константинопольский патриархат и Россия 1901–1914 г. М., 2012.

Герд Л.А. Секуляризация имений восточных монастырей и церквей в Валахии и Молдавии в начале 1860-х годов и Россия // Вестник православного Свято-Тихоновского Гуманитарного университета. 2014. Серия II. История. Вып. 6 (61). С. 7–34.

Горяинов С. Босфор и Дарданеллы. Исследование вопроса о проливах по дипломатической переписке, хранящейся в Государственном и Санкт-Петербургском главном архивах. СПб., 1907.

Дворник Ф. Идея апостольства в Византии и легенда об апостоле Андрее. СПб., 2007.

Деяния священного собора Православной Российской церкви 1917–1918 гг. Т. 2. М., 1994.

Дмитриевский А.А. Императорское православное палестинское общество и его деятельность (1882–1907). СПб., 1907.

Дранов Б.А. Черноморские проливы. М., 1948.

Дудзинская Е.А. Славянофилы в пореформенной России. М., 1994.

Дулина Н.А. Танзимат и Мустафа Решид Паша. М., 1984.

Иванов С.А. Византийское миссионерство. Можно ли сделать из варвара христианина? М., 2003.

Каптерев Н.Ф. Сношения иерусалимского патриарха Досифея с русским правительством (1669–1707). М., 1891.

Каптерев Н.Ф. Характер отношений России к Православному Востоку в XVI и XVII столетиях. Изд. 2. Сергиев Посад, 1914.

Киняпина Н.С. Балканы и проливы во внешней политике России в конце XIX в. М., 1994.

Кирил, патриарх Български. Граф Н.П. Игнатиев и Българският църковен въпрос. Изследване и документи. София, 1958.

Кириллов И. Третий Рим. Очерк исторического развития идеи русского мессианизма. М., 1914.

Курганов В. Ф. Исторический очерк греко-болгарской распри // Православный собеседник. 1873. Ч. 1. С. 187–260.

Лисовой Н.Н. Русская церковь и патриархаты Востока. Три церковно-политические утопии XX века // Религии мира. История и современность. М., 2002. С. 156–196.

Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX — начале XX в. М., 2006.

Макарова И.Ф. Болгары и Танзимат. М., 2010.

Малинин В.Н. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Историко-литературное исследование. Киев, 1901.

Маркова З. Българската Екзархия. 1870–1879. София, 1989.

«Наша отечественная Церковь занимает первое место между всеми православными церквами». Отчет профессора И. Е. Троицкого о командировке на Восток. 1886 г. / Подготовка текста, вступ. статья и комм. Л. А. Герд // Исторический архив. 2001. № 4. С. 135–174.

Никодим (Ротов), архим. История Русской духовной миссии в Иерусалиме. Серпухов, 1997.

Оболенский Д. Византийское содружество наций. М., 1998.

Петрунина (Мисюревич) О.Е. Становление национального государства в Греции: «русская партия» в 1837–1844 гг. М., 1997.

Петрунина О.Е. Греческая нация и государство в XVIII–XX вв. М., 2010.

Проливы (сборник) / Пред. Ф. Ротштейна. Доп. ст. Е. А. Адамова. М., 1924.

Рогов А.И. Культурные связи России с балканскими странами в первой половине XVII в. // Связи России с народами Балканского полуострова. Первая половина XVII в. М., 1990. С. 122–137.

Россия и Православный Восток. Константинопольский патриархат в конце XIX в. Письма Г.П. Беглери к проф. И.Е. Троицкому. 1878–1898 гг. / Изд. подг. Л.А. Герд. СПб., 2003.

Россия и черноморские проливы (XVIII–XX столетия). М., 1999.

Синицына Н.В. «Третий Рим». Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М., 1998.

Смирнова И.Ю. Россия и Англия в Святой Земле в канун Крымской войны. М., 2015.

Соколов И.И. Константинопольская церковь в XIX в. СПб., 1904.

Соколов И.И. О византинизме в церковно-историческом отношении. Вступительная лекция по кафедре истории греко-восточной церкви (от разделения церквей),

прочитанная в Санкт-Петербургской Духовной Академии 1-го ноября 1903 года. СПб., 1903.

Соколов И.И. Приход в Константинополе // Церковный вестник. 1912. № 38. С. 1189–1193.

Соколов И.И. Епархии Константинопольской церкви настоящего времени. Петроград, 1914.

Соколов И.И. Церковный суд в Константинопольском патриархате в современном его состоянии // Церковный вестник. 1914. № 39. С. 1181–1188.

Теплов В. Греко-болгарский церковный вопрос по неизданным источникам. СПб., 1889.

Тодорова М. Англия, Русия и Танзиматът. София, 1980.

[*Троицкий И.Е.*] Нечто по поводу статьи Гражданина (№ 38) по случаю чествования памяти патриарха Фотия в Славянском благотворительном обществе 6 февраля 1891 г. // Московские ведомости. 17 февраля 1891 г. № 59.

Успенский Б.А. Царь и патриарх: харизма власти в России. Византийская модель и ее русское переосмысление. М., 1998.

Фонкич Б.Л. Чудотворные иконы и священные реликвии Христианского Востока в Москве в середине XVII в. // Очерки феодальной России. Вып. 5. М., 2001. С. 70–97.

Фонкич Б.Л. Из истории учреждения патриаршества в России. Соборные грамоты 1590 и 1593 гг. // *Фонкич Б. Л.* Греческие рукописи и документы в России. М., 2003. С. 377–384.

Фонкич Б.Л. Грамота Константинопольского патриарха Иоасафа II и собора восточных церквей, подтверждающая царский титул Ивана IV // *Каштанов С.М.* Россия и греческий мир в XVI веке. М., 2004. С. 381–389.

Цимбаев Н.И. Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX века. М., 1986

Чеснокова Н.П. Документы посольского приказа середины XVII в. о привозе в Россию реликвий с Христианского Востока // Российская дипломатия: история и современность. М., 2001.

Шпаков А.Я. Государство и церковь в их взаимных отношениях в Московском государстве. Царствование Федора Ивановича. Учреждение патриаршества в России. Одесса, 1912.

Ανεστίδης Στ. Ιωακείμ ο Γ' Αρχιεπίσκοπος Κωνσταντινουπόλεως και Οικουμενικός Πατριάρχης (1878–1884, 1901–1912) // Δελτίον Κέντρου Μικρασιατικών σπουδών. Αθήνα, 1986–1987. Σ. 391–414.

Δημητρία ΚΖ'. Επιστημονικό συμπόσιο «Χριστιανική Μακεδονία». Ο από Θεσσαλονίκης Οικουμενικός Πατριάρχης Ιωακείμ Γ' ο Μεγαλοπρενής. Θεσσαλονίκη, 1994.

Διάλλα Α. Η Ρωσία απέναντι στα Βαλκάνια: ιδεολογία και πολιτική το δεύτερο μισό του 19ο αιώνα. Αθήνα, 2009.

Καρδαράς Χρ. Η πολιτική δράση του πατριάρχη Ιωακείμ Γ' (Πρώτη πατριαρχία 1878–1884). Διδακτορική διατριβή. Ιωάννινα, 1993;

Καρδαράς Χρ. Ιωακείμ Γ'-Χαρ. Τρικούπης. Η αντιπαράθεση. Από την ανέκδοτη αλληλογραφία του Οικουμενικού Πατριάρχη (1878–1884). Αθήνα, 1998.

Σταματόπουλος Δ. Μεταρρύθμηση και εκκοσμίκευση. Προς μία ανασύνθεση της ιστορίας του Οικουμενικού Πατριαρχείου τον 19 αιώνα. Αθήνα, 2003.

Σταματόπουλος Δ. Το Βυζαντιο μετά το Έθνος. Το πρόβλημα της συνέθειας στις Βαλκανικές ιστοριογραφίες. Αθήνα, 2009. Σ. 244–252, 282–285.

Σταυρίδου Β. Θ. Οι Οικουμενικοί πατριάρχαι 1860-σήμερον. Θεσσαλονίκη, 1977. Σ. 208–284.

Ahmad, F. (1993) *The Making of Modern Turkey*. London-New York.

Anastassiadis, A., ed. (2013) *Voisinages fragiles. Les relations interconfessionelles dans le Sud-Est européen et la Méditerrannée orientale 1854-1923: contraintes locales et enjeux internationaux*. (École Française d' Athènes. Mondes Méditerranées et Balkaniques 5). Athènes.

Anestidis, S. (1986–1987) "Ioakeim III Archiepiskopos Constantinoupolos kai Oikoumenikos Patriarchis(1878–1884, 1901–1912)"" [Joakeim III Archbishop of Constantinople and Ecumenical Patriarch (1878–1884, 1901–1912)"], *Deltion Kentrou Mikrasiatikon Spoudon* (Athens): 391–414

Boneva, V. (2010), *B"lgarskoto ts"rkovno-natsionalno dvizhenie 1856–1870*. [The bulgarian church-national movement]. Sofia, Za bukvite.

Bukhert, V. (2015) "Nam nuzhno ochen' tshchatel'no soizmeriat' nashi pervye shagi v Tsaregrade..." Zapiska akademika F. I. Uspenskogo. 1915 g." ["We should program very carefully our first steps in Constantinople". The note of F.I. Uspenskii. 1915"], *Vostochnyi Arkhiv* 1(31)*:* 60–65.

Chesnokova, N. (2001) "Dokumenty Posol'skogo Prikaza serediny XVII v. o privoze v Rossiiu relikvii s Khristianskogo Vostoka" ["The documents from the Posol'skij Prikaz (Ambassador's Office) from the mid XVIIth century about the delivery of relics from the Christian East to Russia"], in *Rossiiskaia Diplomatiia. Istoriia I Sovremennost'*. Moscow.

Clogg, R. (1982) "The Greek Millet in the Ottoman Empire", in *Christians and Jews in the Ottoman Empire: the Functioning of a Plural Society*. Vol. 1. *The Central Lands*, pp. 185–207. Eds. Braude B., Lewis B. New York.

Craves, P.P. (1931) *The question of the Straits*. London.

Davison, H. (1963) *Reform in the Ottoman Empire, 1856–1876*. Princeton.

Deianiia sviashchennogo sobora Pravoslavnoi Rossiiskoi tserkvi 1917–1918. [Acts of the Holy Council of Russian Orthodox Church 1917–1918], Moscow, 1994. Vol. 2.

Dialla, A. (2009) *I Rosia apenanti sta Balkania: ideologia kai politiki to deytero miso tou 19ou aiona* [Russia against the Balkans: Ideology and Politics in the Second Half of the XIXth Century]. Athens.

Dimitria 27. Epistimoniko symposio "Christianiki Makedonia". O apo Thssalonikis Oikoumenikos Patriarchis Ioakeim III o Megaloprepis [Dimitria 27. A scientific symposium "Christian Macedonia". The ecumenical Patriarch Joakeim III the magnificent from Thessaloniki]. Thessaloniki, 1994.

Dmitrievskii, A. (1907) *Imperatorskoe Pravoslavnoe Palestinskoe obshestvo I ego deiatel'nost' (1882–1907)* [Imperial Orthodox Palestine Society and its activities (1882–1907)]. St. Petersburg.

Dranov, B. (1948) *Chernomorskie prolivy* [The Black Sea straits]. Moscow.

Dudzinskaia, E. (1994) *Slavianofily v poreformennoi Rossii* [The Slavophils in Russia after the reforms]. Moscow.

Dulina, N. (1984) *Tanzimat i Mustafa Reshid Pasha* [The Tanzimat and Mustafa Reshid Pasha]. Moscow.

Dvornik, F. (1958) *The Idea of Apostolity in Byzantium and the Legend of the Apostle Andrew*. Cambridge/Mass.

Esperel, I.B. (1907) *La condition international des détroits Bosphore et Dardanelles envisage du point de vue des droits et des devoirs des Neutres dans les guerres maritimes*. Toulouse.

Fonkich, B. (2001) "Chudotvornye ikony i sviashchennye relikvii Khristianskogo Vostoka v Moskve v seredine XVII v." ["Miracle icons and sacred relics of the Christian East in Moscow in the middle of the XVIIth century"], *Ocherki Feodal'noi Rossii* 5 (Moscow): 70–97.

Fonkich, B. (2003) "Iz istorii uchrezhdeniia patriarshestva v Rossii. Sobornye gramoty 1590 I 1593 gg." [From the history of establishment of Moscow Patriarchate. Council documents of 1590 and 1593"], in Fonkich, B. *Grecheskie rukopisi i documenty v Rossii* (Moscow), p. 377–384.

Fonkich, B. (2004) "Gramota Konstantinopol'skogo Patriarcha Ioasafa II i sobora vostochnykh tserkvei, podtverzhdaiushchaia tsarskii titul Ivana IV" ["A Document of the Patriarch of Constantinople Joasaph II and the Council of Eastern Churches, adopting the Tsar title of Ivan IV"], in Kashtanov, S.M. *Rossiia i Grecheskii Mir v XVI veke* (Moscow), p. 381–389.

Frary, L. (2015) *Russia and the Making of Modern Greek Idenitity, 1821–1844*. Oxford.

Frazee, Ch. (1969) *The Orthodox Church and Independent Greece, 1821–1852*. Cambridge.

Frindley, C. (1980) *Bureaucratic Reform in the Ottoman Empire. The Sublime Porte, 1789–1922*. Princeton.

Gagarin, S. (1915), "Konstantinopol'skie prolivy. Istoriko-politicheskii ocherk" ["The starits of Constantinople. An essay on political history "], *Russkaia mysl',* April: 96–122.

Gerd, L. (2006) *Konstantinopol' i Peterburg: tserkovnaia politika Rossii na Pravoslavnom Vostoke (1878–1898)* [Constantinople and St. Petersburg: Russian Church's policy in the Orthodox East (1878–1898)] Moscow, Indrik.

Gerd, L. (2007) "Eshche odin proekt "Russkogo Konstantinopolia". Zapiska F. I. Uspenskogo 1915 g." ["One more project of "Russian Constantinople". The note of F. I. Uspenskii of 1915 g."], *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny* 30: 424–433.

Gerd, L. (2010) *Russkii Afon 1878–1914. Ocherki tserkovno-politicheskoi istorii* [Russian Athos 1878–1914. Essays on church-political history]. Moscow, Indrik.

Gerd, L. (2012), *Konstantinopol'skii Patriarkhat i Rossiia. 1901–1914* [The Patriarchate of Constantinople and Russia. 1901–1914]. Moscow, Indrik.

Gerd, L. (2014) "Sekuliarizatsiia imenii vostochnykh monastyrei i tserkvei v Valahii i Moldavii v nachale 1860-h godov i Rossiia" ["The Secularization of the properties of the Eastern monasteries and churches in Walachia and Moldavia and Russia"], *Vestnik Sviato-Tikhonovskogo Gumanitarnogo universiteta. Seriia Istoria* 6(61): 7–34.

Gerd, L., ed. (2001) "Nasha otechestvennaia tserkov' zanimaet pervoe mesto mezhdu vsemi pravoslavnymi tserkviami". Otchet professora I. E. Troitskogo o komandirovke na Vostok. 1886 g." ["Our Church is the first among all Orthodox Churches". A report of professor I.E. Troitskii about his trip to the East. 1886", *Istoricheskii Arkhiv* 4: 135–174.

Gerd, L., ed. (2003) *Rossiia I pravoslavnyi Vostok. Konstantinopol'skii Patriarkhat v kontse XIX v. Pis'ma G. P. Begleri k prof. I. E. Troitskomu 1878–1898 gg*. [Russia and the Orthodox East in the end of the XIXth century. Letters of G. P. Begleri to Prof. I. E. Troitskii 1878–1898] St. Petersburg, Oleg Abyshko Editions.

Goriainov, S. (1907) *Bosfor i Dardanelly. Issledovanie voprosa o prolivah po diplomaticheskoi perepiske, hraniashcheisia v Gosudarstvennom i Sankt-Peterburgskom glavnom arkhivah.* [Bosphore and Dardanelles. Research of the question of the straits according the diplomatic correspondence from the State and St. Petersburg Main Archives]. St. Petersburg.

Ivanov, S. (2003) *Vizantiiskoe missionerstvo. Mozhno li sdelat' iz varvara khristianina?* [The Byzantine missionary. Is it possible to make a hristian from a Barbarian?]. Moscow.

Jelavich, B. (1962) *Russia and Greece During the Regency of King Othon, 1832–1835.* Russian Documents on the First Years of Greek Independence. Thessalonike.

Jelavich, B. (1973) *The Ottoman Empire, the Great Powers and the Straits Question, 1870–1887.* Bloomington; London.

Kapterev, N. (1891) *Snosheniиa Ierusalimskogo Patriarлha Dosifeиa s Russkim pravitel'stvom (1669–1707)* [Relations of the Patriarchate of Jerusalem Dositheos with the Russian пovernment (1669–1707)]. Moscow.

Kapterev, N. (1914) *Kharacter otnoshenii Rossii k Pravoslavnomu Vostoku v XVI i XVII stoletiiakh* [Character of the relationship between Russia and the Orthodox East in the XVIth and the XVIIth centuries]. Sergiev Posad.

Kardaras, Ch. (1993) *I politiki drasi tou patrirchi Ioakeim III (Proti patriarchia* 1878–1884). *Didaktoriki diatrivi* [The political activities of Patriarch Ioakeim III (First Patriarchate 1878–1884) Doctoral Thesis]. Ioannina.

Kardaras, Ch. (1998) *Ioakeim III-Char. Trikoupis. I antiparathesi. Apo tin anekdoti allilografia tou Oikoumenikou Patriarchi (1878–1884)* [Joachim III-Char. Trikoupis. A Controversion. From the inedited correspondence of the ecumenical Patriarch (1878–1884)]. Athens.

Kiniapina, N. (1994) *Balkany i prolivy vo vneshnei politike Rossii v kontse XIX v.* [The Balkans and the straits in Russian foreign policy in the end of the XIXth century]. 2nd ed.

Kiril, patriarkh B"lgarski. (1958) *Graf N.P. Ignatiev i B"lgarskiiat ts"rkoven v"pros. Izsledvane i dokumenti* [Count N. P. Ignatiev and the Bulgarian church question]. Sofia.

Kirillov, I. (1914) *Tretii Rim. Ocherk istoricheskogo razvitiia idei russkogo messianisma* [An essay on the historical development of the Idea of Russian messianism]. Moscow.

Kofos, Ev. (1986) Patriarch Joachim III (1878–1884) and the Irredentist Policy of the Greek State, *Journal of Modern Greek Studies* IV (1): 107–120.

Kohn, H. (1953) *Panslavism. Its History and Ideology*. Notre Dame.

Kurganov, V. (1873) "Istoricheskii ocherk greko-bolgarskoi raspri" ["Historical essay on the Greek-Bulgarian controversion"], *Pravoslavnyi Sobesednik* 1: 187–260.

Laze, M. (1908) *La question des détroits. Étude juridique sur la situation international du Bosphore et des Dardanelles*. Paris.

Lisovoi, N. (2002) "Russkaia tserkov' i patriarkhaty Vostoka. Tri tserkovno-politicheskie utopia XX veka" ["The Russian Church and the Eastern Patriarchats. Three church-political utopias of the XXth century"], *Religii mira. Istoriia i sovremennost'* 2002: 156–196.

Lisovoi, N. (2006) *Russkoe dukhovnoe i politicheskoe prisutstvie v Sviatoi Zemle i na Blizhnem Vostoke v XIX — nachale XX v.* [Russian spiritual and political presence in the Holy Land and in the Middle East in 19th — early 20th centuries]. Moscow, Indrik.

MacKenzie, D. (1967) *Serbs and Russian Panslavism, 1875–8*. Itaca, NY: Cornell University Press.

Makarova, I. (2010) *Bolgary i Tanzimat* [Bulgarins and the Tanzimat]. Msocow.

Malinin, V. (1901) *Starets Eleazarova monastyria Filofei i ego poslaniia. Istoriko-literaturnoe issledovanie* [The starec of the Eleazar Monastery Philotheos and his letters. A historical literature study]. Kiev.

Markova, Z. (1989) *B"lgarskata Ekzarkhiia 1870–1879* [The Bulgarian Ekzarchate 1870–1879]. Sofia.

Nikodim (Rotov), archimandrite (1997) *Istoria Russkoi Dukhovnoi Missii v Ierusalime* [History of the Russian Ecclesiastical mission in Jerusalem] Serpuhov.

Obolensky, D. (1971) *The Byzantine Commonwealth. Eastern Europe. 500–1453*. London.

Petrovich, M.B. (1956) *The Emergence of Russian Panslavism, 1856–1870*. New York.

Petrunina (Misiurevich), O. (1997) *Stanovlenie natsional'nogo gosudarstva v Gretsii: "russkaia partiia" v 1837–1844 gg*. [The formation of a national state in Greece: "Russian Party" in 1837–1844]. Moscow.

Petrunina, O. (2010) *Grecheskaia natsiia i gosudarstvo v XVIII–XX vv*. [Greek nation and state in the XVIII-XX centuries]. Moscow.

Rogov, A. (1990) "Kul'turnye sviazi Rossii s balkanskimi stranami v pervoi polovine XVII v." [Cultural relations between Russia and the states of the Balkans in the first half of the XVIIth century", *Sviazi Rossii s narodami Balkanskogo poluostrova. Pervaia polovina XVII v*. [Relations of Russia with the peoples of the Balkan peninsula. First half of the XVIIth century]. Moscow: 122–137.

Rossiia i Chernomorskie prolivy (XVIII–XX stoletiia) [Russia and the Black Sea straits (XVIII–XX Centuries)]. Moscow, 1999.

Rotshtein, F., Adamov, E., eds. (1924) *Prolivy (Sbornik)* [The Straits (collected documents)]. Moscow.

Runciman, S. (1968) *The Great Church in Captivity*. Cambridge.

Schaeder, H. (1957) *Moskau das Dritte Rome. Studien zur Geschichte der politischen Theorien in der Slavischen Welt*. Darmstadt.

Shpakov, A. (1912) *Gosudarstvo i tserkov' v ikh vzaimnykh otnosheniiakh v Moskovskom gosudarstve. Tsarstvovanie Fedora Ivanovicha. Uchrezhdenie patriarshestva v Rossii* [State and church in their relations in the Moscovian State. The rule of Fedor Ivanovich. The establishment of Russian Patriarchate]. Odessa.

Sinitsyna, N. (1998)*"Tretii Rim". Istoki i evoliutsiia russkoi srednevekovoi kontseptsii (XV–XVI vv*.) ["The Trird Rome". Origins and evolution of a Russian Middle Ages concept (XV–XVI centuries)]. Moscow.

Smirnova, I. (2015) *Rossiia i Angliia v Sviatoi Zemle v kanun Krymskoi voiny* [Russia and England in the Holy Land on the eve of the Crimean War]. Moscow.

Sokolov, I. (1903) *O vizantinisme v tserkovno-istoricheskom otnoshenii. Vstupitel'naia lektsiia po kafedre istorii Greko-vostochnoi tserkvi (ot razdeleniia tserkvei), prochitannaia v Sankt-Peterburgskoi Dukhovnoi Akademii 1 noiabria 1903 goda* [About Byzantinism in church history. An introduction lecture at the Department of Greek-Eastern Church (from the separation of the Churches) Read at St.-Petersburg Theological Academy on November 1, 1903]. St. Petersburg.

Sokolov, I. (1904) *Konstantinopol'skaia Tserkov' v XIX v*. [The Church of Constantinople in the XIXth century]. St. Petersburg.

Sokolov, I. (1912) "Prikhod v Konstantinopole" ["The parish in Constantinople"], *Tserkovnyi Vestnik* 38: 1189–1193

Sokolov, I. (1914) "Tserkovnyi sud v Konstantinopol'skom Patriarkhate v sovremennom ego sostoianii" ["The Church court in the Patriarchate of Constantinople in it present state"], *Tserkovnyi Vestnik* 39: 1181–1188.

Sokolov, I. (1914) *Eparchii Konstantinopol'skoi Tserkvi nastoiashchego vremeni* [The dioceses of the Church of Constantinople nowadays]. Petrograd.

Stamatopoulos, D. (2003) *Metarrythmisi kai ekkosmikeusi. Pro mia anasynthesi tis istorias tou Oikoumenikou Patriarcheiou ton 19o aiona* [Reforms amd Secularisation. The History of the Ecumenical Patriarchate of the 19th Century Revised]. Athens, Alexandria.

Stamatopoulos, D. (2009) *To Byzantio meta to Ethnos. To provlima tis synetheias stis Balkanikes istoriografies* [Byzantium after the Ethnos. The Problem of Correspondence in the Balkan Historiographies]. Athens, Alexandria.

Stamatopoulos, D. (2013) "From the Vyzantinism of K. Leont'ev to the Vyzantinism of I. I. Sokolov: the Byzantine Orthodox East as a motif of the Russian Orientalism", in *Héritages de Byzance en Europe du Sud-Est à l'époque modern et contemporaine*. Athènes, p. 321–340.

Stauridou, V. (1977) *Oi Oikoumenkoi Patriarchai 1860-simeron* [The Ecumenical Patriarchs from 1860 to our days]. Thessaloniki.

Staurou, Th. (1963) *Russian interests in Palestine. 1882–1914*. Thessalonike.

Sumner, B.H. (1937) *Russia and the Balkans 1870–1880*. Oxford.

Teplov, V. (1889) *Greko-Bolgarskii tserkovnyi vopros po neizdannym istochnikam* [The Greek-Bulgarian church question according to unpublished sources]. St. Petersburg.

Tibawi, A.I. (1961) *British Interests in Palestine. 1800–1901. A Study of Religious and Educational Enterprise*. London.

Todorova, M. (1980) *Angliia, Rusiia i Tanzimatyt* [England, Russia and the Tanzimat]. Sofia.

Troitskii, I. "Nechto po povodu stat'i Grazhdanina (No 38) po sluchaiu chestvovaniia pamiati Patriarkha Fotiia v Slavianskom blagotvoritel'nom obshchestve" [Something about the article of Grazhdanin (No 38) concerning the celebration of Patriarch Photius' anniversary in the Slavonic Philanthropic Society on the 6th of February 1891"], *Moscovskie Vedomosti* February 17, 1891, No. 59.

Tsimbaev, N. (1986) *Slavianofil'stvo. Iz istorii russkoi obshestvenno-politicheskoi mysli XIX veka* [Slavophilism. From the history of Russian public and political thought of the XIXth century]. Moscow.

Uspenskii, B. (1998) *Tsar' i Patriarkh: kharisma vlasti v Rossii. Vizantiiskaia model' i ee russkoe pereosmyslenie* [Tsar and Patriarch: the charisma of power in Russia. A Byzantine Model and its Russian Interpretation]. Moscow.

Voisinages fragiles. Les relations interconfessionelles dans le Sud-Est européen et la Méditerrannée orientale 1854–1923: contraintes locales et enjeux internationaux. Éd. par A. Anastassiadis (École Française d' Athènes. Mondes Méditerranées et Balkaniques 5). Athènes, 2013.